

СИРЕНЕВЫЙ ЦВЕТ И ЕГО ОТТЕНКИ В ЛИРИКЕ В.В. НАБОКОВА

LILAC COLOR AND HIS SHADES IN LYRIC BY V.V. NABOKOVA

I. Trufanova

Summary. Objective: To identify the poems of the theme Vladimir Nabokov, in which is found the color purple and its analogues, to establish the meaning of the word purple in them, to compare them with the values of the word purple in the prose of Vladimir Nabokov.

Methods: the method of lexical paradigms developed by N. V. Pavlovich

Results. In verses Vladimir Nabokov the color purple is found about fifty times. Lilac and its shades: purple, lilac, purple, blueberry, violet — In U. V. Nabokov appear when it comes to something that represents, from the point of view of the writer, something especially valuable. In for Valuable. V. Nabokov are the faith of God, the Motherland (Russia), art, love, youth, science, movement.

Conclusions. In Relation to the lyrics V. Nabokov need to talk about the tightness of the verbal series of the poem. Infecting each other with their meanings of the word he does not necessarily in one line, the word lilac (purple, purple) is infected with the meanings of words from different lines and stanzas of the poem, the words that call perfect, or infects with its symbolic meaning the word that calls the theme of the poem; and what is meant in the poem, is estimated by V. Nabokov as perfection, as the highest value.

Keywords: Vladimir Nabokov; the myth of Dionysus; combinatorial increment value (artistic value); the adjective of the color purple; lyrics Vladimir Nabokov; the symbolic meaning of the word.

Труфанова Ирина Владимировна

*Д.филол.н., профессор, ГАОУ ДПО г. Москвы
Московский центр развития кадрового потенциала
образования
illokucia1@rambler.ru*

Аннотация. Цель: Выявить темы стихотворений В. В. Набокова, в которых встречается сиреневый цвет и его аналоги, установить значения слова сиреневый в них, сравнить их со значениями слова сиреневый в прозе В. В. Набокова.

Методы: метод лексических парадигм, разработанный Н. В. Павлович.

Результаты. В стихах В. В. Набокова сиреневый цвет встречается около пятидесяти раз. Сиреневый цвет и его оттенки: пурпурный, лиловый, фиолетовый, черничный, фиалковый — у В. В. Набокова появляются тогда, когда речь идёт о чём-то, представляющем, с точки зрения писателя, нечто особенно ценное. Ценными для В. В. Набокова оказываются вера в Бога, родина (Россия), художественное творчество, любовь, молодость, наука, движение.

Выводы. Применительно к лирике В. В. Набокова нужно говорить о тесноте словесного ряда всего стихотворения. Заражающие друг друга своими значениями слова у него необязательно в одной строке, слово сиреневый (лиловый, фиолетовый) заражается значениями слов из разных строк и строф стихотворения, слов, называющих совершенное, или заражает своим символическим значением слово, называющее тему стихотворения; и то, о чём в стихотворении идёт речь, оценивается В. В. Набоковым как совершенство, как высшая ценность.

Ключевые слова: В. В. Набоков; миф о Дионисе; комбинаторные приращения смысла (художественное значение); цветное прилагательное сиреневый; лирика В. В. Набокова; символическое значение слова.

Введение

Ю. Н. Тынянов писал о единстве и тесноте стихового ряда как причине заражения друг друга словами в стихотворной строке своими значениями, отчего и у слов возникают значения, присущие им только в контексте данного художественного произведения [38]. Б. А. Ларин обозначил такие значения термином «художественные значения» [14], В. В. Виноградов — «комбинаторные приращения смысла». Механизмы комбинаторного приращения смысла описаны Н. В. Павлович — как приобретение словом значений соседних слов [21: 5–8], С. Т. Золян — как приписывание словам-соседям или словам, занимающим сходные позиции в стихе, общих классификаторов [9: 401–408]. Две названных методики научного анализа не противоречат друг другу. Приращенные к слову значения — это или значения других слов из стиха, или значения слов,

называющих категорию, под которую подходят выражаемые словами-соседями в сумме смыслы. Общая категория, под которую мы подводим заражающие друг друга своими значениями слова, — это результат отгадки, чему дается определение совокупностью данных слов.

Н. В. Павлович описала виды синтаксических отношений между такими, заражающими друг друга своими значениями, словами. Слово, заражённое значениями слов-соседей по стихотворной строке, становится внутренней формой слов, заразивших его своими значениями, и наоборот; таким образом слова в художественном произведении приобретают мотивацию, несущую с собой дополнительные пласты содержания. Комбинаторные приращения смысла уплотняют информацию, передаваемую художественным произведением, создаётся ситуация, когда слов меньше, чем их значений. С. Т. Золян описал механизм возникновения у ключевых

слов стихотворения внутренней формы, мотивированности, представил семантику ключевых слов лирического стихотворения как семантику слов с подвижным лексическим значением и сделал вывод о том, что «Семантическая структура слова оказывается не просто суммой взаимодействующих значений,— отдельные лексико-семантические варианты образуют внутри слова структуру, изоморфную семантической структуре текста. Каждый лексико-семантический вариант соотносится с различными аспектами тематической структуры, вступая в сложные диалогические отношения подобия, дополнения, контраста и совмещения с другими. Каждое слово оказывается полифонической структурой взаимопроникающих смыслов, а не конгломератом значений (...) Анализ слова (...) оборачивается анализом текста. Значение выступает здесь как искомая величина, воссоздаваемая текстом. Поэтический текст не только отражает в себе семантическую систему языка, но и сам оказывается языком» [10: 519]. Под лексико-семантическим вариантом имеются в виду художественные значения одного и того же слова в разных местах художественного текста. Ю. М. Лотман, В. И. Тюпа тоже пишут, что художественный текст даётся читателю раньше, чем язык, и язык вычисляется из текста, язык предстоит реконструировать, основываясь на тексте. Художественное восприятие состоит не в освоении содержания высказывания на основе общего языка, но в освоении его уникального языка — на основе общего содержания; эстетический дискурс (отнюдь не только авангардистский) превращается в урок языка [39: 26]; не текст сообщается при помощи языка, а язык при помощи текста.

У В. В. Набокова такую тесноту стихового ряда мы наблюдаем в прозе, отчего в ней передаётся так же много смыслов, как это характерно для стихов. Применительно к лирике В. В. Набокова нужно говорить о тесноте словесного ряда всего стихотворения. Заражающие друг друга своими значениями слова у него необязательно в одной строке, слово *сиреневый* (*лиловый, фиолетовый*) заражается значениями слов, обозначающих, называющих совершенное, ценное, или заражает своим символическим значением слова в стихотворении; и то, о чём в стихотворении идёт речь, оценивается В. В. Набоковым как совершенство, как высшая ценность. В лирике В. В. Набокова слово *сиреневый* развивает символическое значение маркера совершенства. Символическое значение — это художественное значение, повторяющееся в нескольких произведениях писателя.

Литературный обзор

В. Г. Кульпина выделяет отдел лингвистики, названный ею «лингвистика цвета» [13] с подразделами: эволютивные аспекты цветоименований [об истории цве-

тообозначений см. работы: 2; 5], психолингвистические аспекты цветообозначений [41], когнитивные аспекты цвета, языковая картина мира; лингвокультурологические аспекты цвета (символика цвета) [см.: 8; 23]; номинационно-терминообразующие аспекты цветообозначений [см.: 5].

Из работ первого направления мы узнаём, что существует три оттенка пурпурного: два фиолетовых и один красный, разница в цвете определялась тем, из какого вида улиток его получили, первоначальное значение слова *пурпур* — улитка [5: 34–35]. В прозе В. В. Набокова, по нашим наблюдениям, пурпурный — оттенок фиолетового цвета. В русский язык слово *пурпурный* с его символическими значениями пришло при Петре I [5: 36], в русском языке улитки обозначались словом *багрянки*. В «Короле, даме, валете» улитки замещают сиреневый цвет. В лирике В. В. Набокова *пурпурный* используется и для наименования оттенков красного цвета.

Из перечисленных в работах третьего направления символических значений фиолетового, лилового, сиреневого цветов [8: 135, 137, 140, 142; 23: 154] для В. В. Набокова актуально, что фиолетовый символизирует творение нового, неожиданного, незнаемого, глубину, с помощью которой можно понять внутренние причины бытия. «С позиций хроматизма сублимат сиреневого цвета может являться указателем на сознательную доминанту интеллекта с его возможным переключением на подсознательные чувства и/или их опредмечивание в творчестве и/или катарсисе» [23: 160]. Синестезия, как отмечают исследователи, давала В. В. Набокову всеобъемлющее видение мира, писатель утверждал, что в художественном произведении реализуется наивысшая полнота жизни. Характерная для В. В. Набокова изобразительность заключается не в фотографическом воспроизведении бытия, но природное, растительное, зрительное ощущение мира, развиваясь, преобразуется; потому что поэт, сознательно отказываясь от автоматизма языкового обозначения мира, вносит свободу в процесс художественной номинации; делая акт поэтического называния сознательным и творческим, поэт значительно более глубоко проникает в сущность мира, чем тот, кто ограничивается раз и навсегда установленной системой названий [7: 18, 20]. По В. В. Набокову, искусство — не мимесис (подражание), а творческое пересоздание действительности, цель которого — «проникновение за видимую поверхность жизни в некое особое пространство, представляющее собой онтоэстетическую реальность, где нет времени в его привычном понимании. Эта реальность воплощается посредством текстовых структур и языковых средств» [11: 34–35].

Исследователи цвета в языке писателя или выявляют художественные значения цветочных прилагательных

в художественных текстах, в том числе символические [см.: 40], или цветовую картину мира писателя [15, 20].

Особая роль цвета в произведениях В.В. Набокова отмечена множеством набоковедов.

Б. Бен пишет: «Если взять названия цветов стандартной пачки из 64 карандашей марки Crayola Cayon и поискать их в работах В.В. Набокова, то получится, что он использовал примерно 460 слов, обозначающих цвета, на каждые 100000 слов, и это поразительно много. Те же цвета в текстах Исторического корпуса американского английского встречаются всего 115 раз на каждые 100000 слов» [3: 191]. Б. Бен, используя новую методику статистического исследования языка писателя, приходит к выводу, что любимое слово В.В. Набокова — лиловый: оно встречается во всех его восьми романах, в сумме частота его использования у В.В. Набокова в 44 раза выше, чем оно встречается в Историческом корпусе американского английского языка, ни одно другое слово в сочинениях В.В. Набокова не имеет такой разницы в показателях по сравнению с текстами корпуса [3: 190].

В.Е. Александров заметил, что красный цвет в «Лолите» употребляется как знак близкого присутствия в описываемом Куильти [1: 118–119].

Л. Яновский сделал вывод, что в романе «Машенька» эмигрантское пространство, Берлин, отмечено жёлтым цветом, а Россия в воспоминаниях Ганина окрашена в лиловый [42: 842].

О.Ю. Сконечная утверждает, что у В.В. Набокова в «Даре», как у Н.В. Гоголя, герои возникают «из словесных оборотов», нагнетение слов с корнем *чёрный* оканчивается появлением Чернышевского, а имена его биографов и знакомых В.Г. Белинский, Максим Белинский, Беленький обнаруживают тайное присутствие Андрея Белого в Чернышевском [25: 668, 670]. Ещё одно наблюдение О. Сконечной сводится к тому, что сочетание чёрного и белого у В.В. Набокова приводит к возникновению нестойкого соединения: «чистой черноты» — опасной грани реальности, имеющей место в снах, бреде, художественных видениях, в которых человеческая мысль заглядывает за свой предел, обретает знак совершенства, автор начинает переименование мира, в котором должно быть отменено «обмелевшее», слепое, усреднённое восприятие бытия [25: 667, 687].

Б.В. Манджиева, исследовавшая творчество В.В. Набокова с точки зрения мифопоэтики, пришла к выводу, что чёрный и белый цвета появляются у В.В. Набокова как знаки начала творения, чёрный цвет — цвет бездны, хаоса, к которому творящий космос художественного произведения возвращается время от времени [16].

В.В. Набоков обладал цветным зрением. О синестезии В.В. Набокова писали Э.В. Комина, А.А. Забияко, Я.В. Погребная, Б. Бойд. Б. Бойд обратил внимание на изучение В.В. Набоковым цвета в русской художественной литературе: «Он подмечал использование цвета в литературе, высоко оценивая манеру Гоголя, который раздвинул границы расхожего представления о цвете: до него “небо было голубым, рассвет красным, листва зеленая, глаза красавицы черными, облака серыми и так далее. Именно Гоголь (а вслед за ним Лермонтов и Толстой) был первым, кто вообще обратил внимание на желтый и фиолетовый”» [4]. А также отметил, что современная художница Джин Холаберд (Jean Holabird), в своей книге «Цветной алфавит» с особой точностью, но не в ущерб творчеству, проиллюстрировала набоковское видение букв в цвете [4].

Микрополе номинаций красного тона в русском языке, а также анализ структурных особенностей микрополя красного тона в произведениях В.В. Набокова осуществила И.Н. Лукьяненко [15], микрополе зелёного у В.В. Набокова М.П. Котюрова, К.Д. Дмитриева [12].

С.Г. Носовец пришла к выводу, что излюбленными у В.В. Набокова являются красные, белые и чёрные тона; затем жёлтые и синие (в состав синих она включила фиолетовый), реже серые, меньше всего у писателя зелёных и коричневых [20: 108].

К.В. Дмитриева сравнила концепт цвет в романах В.В. Набокова «Лолита» и А.А. Фадеева «Разгром». Она сделала выводы, что функционально-семантическое поле субконцепта *фиолетовый* концепта *цвет* реализуется только в тексте романа В. Набокова; он используется как обозначение цвета одежды и «незрительных сенсорных ощущений», в контекстах, в которых эксплицируется эмоционально-эстетическая оценка (Лолиты, Гумбри, т.е. мира художественного творчества, художественного произведения — И.Т.); при описании природных явлений В. Набоков не употребляет колоратив *фиолетовый*, а использует цветообозначения *лиловый*, *лиловатый*, *сиреневый*, *лилово-палевый*, *сиренево-серый*, *чернильный* [6: 20–21].

П.А. Сулов пришёл к следующим выводам. Под многими из них мы готовы подписаться, поскольку тоже пришли к ним в другой связи. Цвет зачастую является в произведениях В.В. Набокова мотивом. Цветовой образ может воспроизводиться в сходных художественных ситуациях в разных текстах, тем самым связывая на поэтическом уровне тексты между собой и давая исследователю наиболее надёжный ориентир для определения семантики, скрытой за данным цветовым образом [26: 8]. Цвет для Набокова может быть не просто средством усиления эстетической выразительности, но и своеобраз-

ным средством интерпретации, толкования тех или иных явлений или событий. Семантика цвета в малой прозе писателя в большинстве случаев имеет закреплённый характер, т.е. за конкретным цветом скрываются устойчивые значения [26: 8]. У В.В. Набокова имеет место кочевание тех или иных мотивов (в том числе цветовых) по всем текстам писателя [26: 5–6].

Особенно важны два следующих вывода П.А. Сулова. Цвета у В.В. Набокова поливалентны, за одним цветом может скрываться колоссальный разброс значений, многие из которых противоположны друг другу; актуализация конкретного значения зависит от особенностей бытования данного цвета в конкретной художественной ситуации [26: 10]. М.П. Котюрова, К.Д. Дмитриева писали о том, что колоратив *зелёный* у В.В. Набокова имеет и нейтрально-сниженную, и положительную оценку [12: 422]. С.Г. Носовец выявила художественные значения колоратива *зелёный*, развившиеся в текстах В.В. Набокова, среди них видим слова и с положительными, и с отрицательными коннотациями: 1) домашний, уютный, старающийся радовать; 2) сторонящийся, избегающий, защищающийся; 3) скучный, недоразвитый, бессодержательный, ограниченный [31: 169]. В романе «Отчаяние» у слов *белый*, *чёрный*, *жёлтый*, *зелёный*, *красный*, *серый*, *фиолетовый* мы обнаружили все известные в языках мира их символические значения [20; 56].

К фиолетовым, лиловым цветам, пишет П.А. Сулов, В.В. Набоков прибегает, описывая людей, причастных к искусству, что представляется закономерным, если учесть, что художник традиционно воспринимается как человек, связанный с миром неземным, как человек, способный прозревать иные реальности. В случаях, когда в рассказе фигурирует художник, фиолетовый цвет может присутствовать в пространстве, окружающем героя, появляться в его творении, попадаться ему на глаза, или же указывать другим героям на присутствие поблизости одарённого человека. Это подтверждается особенностями употребления лилового и фиолетового цветов в рассказах «Бахман», «Благость» [26: 21]. Набоковская метафизика определяется в первую очередь отсутствием в художественном мире писателя непроницаемой границы между потусторонним миром и миром здешним; цвет входит в список наиболее значимых «проводников» метафизических представлений В.В. Набокова [26: 9–10]. К последнему выводу мы бы добавили: сиреневый цвет — цвет присутствия Бога в произведениях В.В. Набокова, цвет умирающего и возрождающегося Диониса, в его произведениях переживается миф о Дионисе [24; 27–31; 35; 37]. Художественный мир произведения у В.В. Набокова — один из видов потусторонности [см.: 7]. В прозе русского периода сиреневый ещё и знак авторского присутствия Сирина (псевдоним В.В. Набокова).

Сиреневому в прозе В.В. Набокова посвящены работы [31; 33; 36]. *Сиреневый*, *лиловый*, *фиолетовый* в лирике В.В. Набокова не были прежде предметом лингвистического исследования.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В стихах В.В. Набокова сиреневый цвет встречается около пятидесяти раз. Ценными для В.В. Набокова оказываются вера в Бога, родина (Россия), творчество, любовь, молодость, наука, движение.

Сиреневый цвет появляется, когда речь идёт о религиозных православных праздниках: Рождестве и Пасхе («Верб», «Волчонок»). «Верб», кроме того, стихотворение о начале писательского пути. «Волчонок», как и другие стихотворения В.В. Набокова на религиозные темы, содержит утверждение, что с христианством в мир пришло добро, проявляющееся в том числе в бережном отношении к животным, в помощи им. *Один, в рождественскую ночь, скулит / и ежится волчонок желтоглазый. / В седом лесу лиловый свет разлит, / на пухлых елочках алмазы. / Мерцают звезды на ковре небес, / мерцают, ангелам щекочут пятки. / Взъерошенный волчонок ждет чудес, / а лес молчит, седой и гладкий. / Но ангелы в обителях своих / все ходят и советуются тихо, / и вот один прикинулся из них / большой пушистой волчихой. / И к нежным волочащимся сосцам / зверек припал, пыхтя и жмурясь жадно. / Волчонку, елкам, звездным небесам — / всем было в эту ночь отрадно* [т. 1, с. 633–634]. *Ангел, небеса, алмазы, Рождество* — слова, объединяемые значениями совершенство, ценность. Этим значением они заражают слово *сиреневый*.

Сиреневый и его оттенки появляются в стихах о родине, России, Петербурге, Батове, Рождестве, все перечисленные стихотворения содержат воспоминания о России вдали от неё («Ты видишь перстень мой? За звёзды, за камень...», «Сон на акрополе», «Лес», «Домой», «Берёзы», «С серого севера», «Петербург», «Родина», «В поезде», «России», «Грибы»). Любовное описание грибов родины в стихотворении «Грибы» завершается упоминанием лилового цвета на корзине, из которой их достали: *А на скамейке белой — посмотри — / плетеная корзинка боком / лежит, и вся испачкана внутри / черничным лиловатым соком* [т. 1, с. 589–590]. Боровики сравниваются с пальчиками на детской ножке, о красных грибах говорится, что они *вознеслись*; на бурых слёзы леса. Сравнение, высокая лексика (вознеслись), метафора (слёзы леса) уменьшительно-ласкательные существительные (корешочки, малютки, шляпки, ёлочки, пальчики) создают оценку описываемого как ценности, этим значением заражается цветочное прилагательное *лиловый*.

На экскурсии в акрополе («Сон на акрополе») В. В. Набоков вспоминает Батово: (...) *Мы миновали желтые колонны / и с вышины увидели окрестность. / Взглянул я вниз, и чудо совершилось... / То южное ли солнце подиутило / над северной, тоскующей душой, / иль слишком жадные глаза поэта / мучительно и чудно обманулись, / не ведаю... Но вдруг исчезли горы, / гладь синяя мерцающего моря / в цветущую равнину превратилась: / ромашек золотистые сердца, / и вдовий цвет лиловый и пушистый, / и колокольчики — я различал / в траве густой, лоснящейся на солнце... / Преобразились белые Афины. / Передо мной — знакомое село: / все — сизые, полуслепые избы* (...) [т. 1, с. 527–528]. Слова, указывающие на совершенство, в стихотворении «Сон на акрополе», появляются только в описании Греции: *непостижимые предки; стройность дорических колонн; сны, как стая птиц роскошных*. Их нет в описании России, их роль маркёров совершенства выполняют названия русских реалий: *русский ветер, густая трава, лоснящаяся на солнце; ромашек золотистые сердца; лес, как молодость, весёлый; своенравные извивы тропинок; блеск песчинки на тропе, янтарный ствол берёзки; тень черёмухи на деревенском кладбище, цветущая равнина* и т.д. *Лиловый*, употреблённое как цветочное прилагательное и как слово с символическим значением, заражает названия реалий русской жизни значениями совершенства, ценность, которое у слова *лиловый* сформировалось в других произведениях поэта.

Родное село как красивый цветной камень с фиолетовой каймой предстаёт в стихотворении «С серого севера». (...) *Так, бывало, купальщикам / на приморском песке / приносится мальчиком / кое-что в кулачке. / Все, от камушка этого / с каймой фиолетовой / до стеклышка матово- / зеленоватого, / он приносит торжественно. / Вот это Батово. / Вот это Рождество* [т. 5, с. 435]. Слово *фиолетовый* заражает своими значениями совершенство, ценность, которые развились у него в других произведениях В. В. Набокова, слова *Рождество, Батово, Родина*.

Сиреневый цвет обнаруживается в стихах о творчестве («Художник», «Крым», «Снимок», «Слава», «На качелях», «*Viola tricolor*», «Кто выйдет поутру? Кто спелый плод подметит?»). В стихотворении «На качелях» природа в её расцвете, качание на качелях сравниваются В. В. Набоковым с художественным творчеством. Начало творения у В. В. Набокова сопровождается звоном, плеском [16], поэтому верёвки качелей названы звенящими, качельная доска плещет, как волны, как у В. В. Набокова плещут солнце, музыка, стихи. *В листву узорчатую зыбко / плеснула тонкая доска, / лазури брызнула улыбка, / и заблестали небеса. / И на мгновенье, над ветвями, / я замер в пламени весны, / держась простертыми*

руками / за две звенящие струны. / Но ослепительно метнулась / ликующая синева, / доска стремительно качнулась, / и снизу хлынула листва. / И лиловеющая зелень / вновь заслонила небосвод, / и очарованно-бесцелен / дугообразный стал полет. / Так реял я, то опускаясь, / мелькая тенью по листьям, / то на мгновенье приближаясь / к недостижимым облакам [т. 1, с. 488–489]. Эпитет *очарованно-бесцелен* — это определение красоты, прекрасного. Значением совершенство он заражает слово *лиловеющая*.

В стихотворении «Нас мало — юных, окрылённых» [т. 1, с. 467] появляется миндальный цвет. Общепринятое его толкование относит цвет к группе коричневых, бежевых, ориентируясь на цвет орехов, плодов растения. У В. В. Набокова — это цвет цветков миндаля, сиреневый или белый с фиолетовой серединкой. Таков цвет юных поэтов. О поэтах в стихотворении говорится: *мы живём / в очарованье пятен ярких, / в чередованье звуковом. / Мы только смутный цвет миндальный (...) / мы целомудренно бездомны, / и с нами звёзды, ветер, Бог*. Лексика, указывающая на совершенство в стихотворении: *Бог, детская улыбка земли, звёзды, очарованье, целомудренно* — сообщает значения совершенство, ценность слову *миндальный*, а последнее слову *поэты*.

В стихотворении «На чёрный бархат лист кленовый» [т. 1, с. 446–447] *лист золотой с пыльцой пунцовой / между лиловых тонких жил* — единственный слушатель старинных стихов, которые названы *радужным и нежным двойником* кленового листа. У В. В. Набокова лучший читатель — сам автор, лиловый цвет — цвет поэзии. Слово *лиловый* употреблено и в цветочном, и в символическом значении, его символическое значение поддерживается символическими значениями слов *свято, радужный*. Радуга — символ рая, совершенства, дороги в рай [34]. В стихотворении «Туман ночного сна, налёт истомы пыльной» [т. 1, с. 446] В. В. Набоков пишет: *Так мелочь каждую — мы, дети и поэты. / умеем в чудо превратить, / в обычном райские угадывать приметы, / и что ни тронем — расцветить*.

Сиреневый (фиолетовый) как знак ценности любви появляется в стихотворениях «Облака», «Отрывок», «Острова», «Как пахнет липой и сиренью», «Давно ль — по набережной звонкой». В любви присутствует вечность, обозначенная как место «на грани неба» или место, в котором «роняют слёзы рая соцветья вешние». Эта лексика объединяется значением совершенство и сообщает данное значение словам *лиловый, фиолетовый*, а они слову *любовь*, называющему тему стихотворений.

В «Университетской поэме» сиреневый цвет указывает на такую ценность, как молодость: (...) *фиолето-*

вым пожаром / от окон веяло цветных (...). / Не шло ей имя Виолета, / (вернее: Вийолет, но это / едва ли мы произнесем). / С фиалкой не было в ней сходства (...) [т. 2, с. 563; 565]. Слова *фиолетовый*, *фиалка* заражают своими значениями совершенство, ценность, которыми они обладают в контексте творчества В. В. Набокова, слово *молодость*, которое называет тему поэмы.

В «Ночных бабочках» [т. 1, с. 463] лиловый цвет символизирует ценность научных поисков энтомолога. О совершенстве движения «Как часто, как часто в поезде скором».

Выводы

Слово, заражённое значениями слов-соседей по стихотворению, становится внутренней формой слов, разивших его своими значениями, и наоборот; таким образом слова в художественном произведении приобрета-

ют мотивацию, несущую с собой дополнительные пласты содержания.

Семантический объем слова *сиреневый* в лирике В. В. Набокова и в одном стихотворении подвижен и имеет сложную структуру, включая: 1) исходное значение, закрепленное за словом в словарной дефиниции (значение цвета), 2) метафорическое значение (о фиолетовом цвете земли); 3) приобретенное, контекстное значение (комбинаторное приращение смысла) (совершенство, ценность), 3) символические значения, свойственные слову в разных культурах.

Значение слова *сиреневый* (*лиловый*, *фиолетовый*) рождается из целостного контекста произведения (творчества) В. В. Набокова или, в свою очередь, появляясь в тексте, подчиняет и преобразует его; то, о чём идёт речь в тексте, фрагменте текста оценивается благодаря присутствию слова *сиреневый* (*лиловый*, *фиолетовый*) как совершенство, высшая ценность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров В. Е. Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика. — СПб.: Алетейя, 1999. — С. 218–219.
2. Бахилина Н. Б. История цветообозначений. — М.: Наука, 1975. — 292 с.
3. Бен Б. Любимое слово Набокова — лиловый. Что может рассказать статистика о наших любимых авторах / пер. с англ. Нестеркиной Н. С. — М.: Эксмо, 2019. — 288 с.
4. Бойд Б. Голубянки Набокова и его шнурково-потертый коричневый и древесно-обветренный черный. Предисловие к книге Джин Холабёрд «Владимир Набоков: Алфавит в Цвете» // [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.synaesthesia.ru/boyd.html>
5. Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке / под общей ред. А. П. Василевича. — М.: Изд-во ЛКИ, 2011. — 216 с.
6. Дмитриева К. В. Концепт цвет в когнитивно-функционально-стилистическом аспекте (на материале романов В. Набокова «Лолита» и А. Фадеева «Разгром»): Автореферат дис. ... канд. филол. наук по специальности: 10.02.01 — русский язык. — Кемерово, 2012. — 25 с.
7. Забияко А. А. Синестезия: метаморфозы художественной образности. — Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2004. — 215 с.
8. Забозлаева Т. Б. Символика цвета. — СПб.: Невский ракурс, 2011. — 176 с.
9. Золян С. Т. Поэтическая семантика и семантико-композиционная организация поэтического текста: Дис. ... д-ра филол. наук по специальности: 10.02.19 — общая лингвистика, социолингвистика, психолингвистика. — Ереван, 1986. — С. 401–408.
10. Золян С. Т. Семантическая структура слова в поэтической речи // ИАН СССР. СЛЯ. — 1981. — № 6. — С. 509–520.
11. Комина Э. В. Синестезийные опыты в творчестве В. Набокова: Дис. ... канд. филос. наук по специальности: 09.00.04 — эстетика. — М., 2006. — 142 с.
12. Котюрова М. П., Дмитриева К. Д. Колоратив зеленый в функционально-семантическом отношении (на материале романа В. Набокова «Лолита») // Образ мира в зеркале языка: сб. науч. статей / отв. соред. В. В. Колесов, М. В. Пименова, В. И. Теркулов. — М.: Флинта, 2011. — С. 420–427.
13. Кульпина В. Г. Лингвистика цвета. Термины цвета в польском и русском языках. — М.: Московский Лицей, 2001. — 470 с.
14. Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. — М.: Художественная литература, 1974. — 288 с.
15. Лукьяненко И. Н. Семантика и специфика функционирования цветообозначений красного тона в произведениях В. Набокова: Автореферат дис. ... канд. филол. наук по специальности: 10.02.01 — русский язык. — Калининград, 2004. — 24 с.
16. Манджиева Б. В. Космогонический миф и его компоненты в индивидуальной мифологии В. В. Набокова: Дис. ... канд. филол. наук. — Ставрополь, 2009. — 223 с.
17. Набоков В. В. Стихотворения // Набоков В. В. Русский период. Собр. соч.: В 5 т.: Т. 1. — СПб.: Симпозиум, 2004. — С. 437–640.
18. Набоков В. В. Стихотворения // Набоков В. В. Русский период. Собр. соч.: В 5 т.: Т. 2. — СПб.: Симпозиум, 2004. — С. 539–601.
19. Набоков В. В. Стихотворения // Набоков В. В. Русский период. Собр. соч.: В 5 т.: Т. 5. — СПб.: Симпозиум, 2003. — С. 419–439.
20. Носовец С. Г. Цветовая картина мира Владимира Набокова в когнитивно-прагматическом аспекте (цикл рассказов «Весна в Фиальте»): Дис. ... канд. филол. наук по специальности: 10.02.01 — русский язык. — Омск, 2002. — 249 с.
21. Павлович Н. В. Семантика оксюморона: Автореф. дис. ... канд. филол. наук по специальности: 10.02.01 — русский язык. — М., 1982. — 21 с.
22. Погребная Я. В. «Плоть поэзии и призрак прозрачной прозы. ...» Лирика В. В. Набокова. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. — 337 с.

23. Серов Н. В. Символика цвета. — СПб.: Страта, 2015. — 204 с.
24. Силард Л. Орфей растерзанный и наследие орфизма. К проблеме «теургического постулата// Герметизм и герменевтика. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. — С. 54–101 // [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/2011/04/silard_germetizm_i_germenevtika_2000_text.pdf
25. Скопечная О. Ю. Черно-белый калейдоскоп: Андрей Белый в отражениях В. В. Набокова // В. В. Набоков: pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. — Т. 1. — Кн. 2. — СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997. — С. 667–696.
26. Сулов П. А. Цветопоэтика рассказов В. В. Набокова: семантика, функциональная значимость, роль в структуре текста: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук по специальности: 10.01.01 — русская литература. — Иваново, 2014. — 24 с.
27. Труфанова И. В. Миф о Дионисе в романе В. В. Набокова «Дар» // European Social Science Journal. — 2014. — № 7. — Т. 2. — С. 215–227.
28. Труфанова И. В. Миф о Дионисе в романе В. В. Набокова «Король, дама, валет» // European Social Science Journal. — 2012. — № 1. — С. 245–256.
29. Труфанова И. В. Миф о Дионисе в романе В. В. Набокова «Отчаяние» // Десятые Поливановские чтения: Сб. ст.: Ч. 1. — Смоленск: Маджента, 2011. — С. 254–259.
30. Труфанова И. В. Миф об Икаре и Дионисе в романе В. В. Набокова «Камера обскура» // European Social Science Journal. — 2012. — № 2. — С. 221–229.
31. Труфанова И. В. Северянинские реминисценции в повести В. В. Набокова «Волшебник» // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XV-й Междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. В. Пузырёв. — М. — Орехово-Зуево: ИЯЗ РАН, ИРЯ РАН, МГОУИ, 2015. — С. 151–157.
32. Труфанова И. В. Символика зелёного и красного цвета в романе В. В. Набокова «Отчаяние» // Язык и культура: Материалы междунар. науч.-практ. конф.: В 2 ч.: Ч. 2. — Борисоглебск: БГПИ, 2010. — С. 199–208.
33. Труфанова И. В. Символика лилового цвета в романах В. В. Набокова «Отчаяние» и «Лолита» // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XI-й Междунар. науч. конф. / Отв. ред. проф. А. В. Пузырёв. — М.: ИЯЗ РАН; Ульяновск: УГУ, 2011. — С. 208–216.
34. Труфанова И. В. Символика радуги в романе В. В. Набокова «Отчаяние» // V Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения: сб. науч. ст. — Севастополь: Гит пак, 2011. — С. 111–120.
35. Труфанова И. В. Символика серого, чёрного и жёлтого цветов в романе В. В. Набокова «Отчаяние» // Образование. Книга, Чтение: текст и формирование читательской культуры в современной образовательной среде. Сб. тр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. — М.: Русская школа, 2010. — С. 137–146.
36. Труфанова И. В. Сиреневый цвет в автобиографиях В. В. Набокова // Текст, интертекст, гипертекст: актуальные проблемы. — Волгоград, 2015 // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». — 2015. — № 5 (39). — С. 33–37 // www.grani.vspu.ru
37. Труфанова И. В. Тип повествования в рассказе В. В. Набокова «Весна в Фиальте» // European Social Science Journal. — 2013. — № 3. — С. 173–185.
38. Тынянов Ю. Н. Проблемы стихотворного языка. — М.: Советский писатель, 1965. — С. 77–194.
39. Тюпа В. И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). — М.: Лабиринт, РГГУ, 2001. — 192 с.
40. Фарино Е. Введение в литературоведение. — СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. — С. 316–333.
41. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. — М.: Наука, 1984. — 175 с.
42. Яновский Л. О романе Набокова «Машенька» // В. В. Набоков: pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. — Т. 1. — Кн. 2. — СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997. — С. 842–850.

© Труфанова Ирина Владимировна (illokucia1@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»